

КОНЦЕПТЫ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ ЭПИТЕТАМИ, В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

Статья посвящена описанию основных групп определяемых слов в составе единства эпитета и субстантива (определяемого слова). Материалом для описания послужил «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой». В исследовании устанавливается, что в идиостиле поэта существуют более частотные, а потому центральные для его творчества понятия, концепты, актуализирующие свою семантику в рамках их сочетания с эпитетами. В ходе описания тематических групп определяемых концептов были выявлены закономерности их сочетания с признаковыми словами. Установлено, что большинство концептов относятся к концептосфере человека, как и эпитеты, определяющие их. Доказано, что эпитет и определяемый концепт всегда рассматриваются в единстве их содержания. Исследование эпитетного комплекса составляет важный этап в изучении идиолекта поэта. Делается вывод о необходимости дальнейшего описания и анализа исчерпывающего массива как эпитетов, так и определяемых слов, составляющих эпитетный комплекс и выявления закономерностей их сочетания, которые составляют основу идиостилевой специфики авторского почерка Марины Цветаевой.

***Ключевые слова:** эпитет, семантика, идиостиль, концепт, поэтика, Марина Цветаева.*

В настоящей статье ставится непростая задача по описанию и анализу одной из частей эпитетного комплекса (эпитетный комплекс – единство определяемого слова, чаще это субстантив, и эпитета) – определяемого слова в составе поэтического идиостиля Марины Цветаевой. Материалом для исследования послужили поэтические тексты автора (стихотворения, поэмы); за скобками остались проза и письма по причине большого объема лексики. Непростой данная задача является за счет разнородности материала, объема корпуса лексем, а также специфики идиостиля поэта.

Традиционно эпитетный комплекс изучается с позиций поэтической стилистики, а именно: внимание уделяется исследованию эпитетов, признаков слов, особенностям их образования и функционирования в идиостиле. Безусловен тот факт, что эпитеты всегда рассматриваются в

единстве взаимосвязей с определяемыми ими словами; описание же групп определяемых слов и их специфики не всегда попадает в поле зрения стилистов [Арнольд 1981, Хазагеров, Ширина 1999]. Чаще всего исследователи стали обращать внимание на состав определяемых слов в рамках эпитетного комплекса в последнее время, когда стал популярен когнитивный подход к изучению образных средств языка. Так, в рамках когнитивного изучения эпитета были сделаны выводы о закономерностях образования художественных определений с опорой на когнитивные механизмы их порождения. Возникли новые теории порождения эпитетов: такие, как теория блендинга (наложения нескольких концептуальных сфер, смежных или сходных между собой) [Кубаева 2009], теория мегаэпитета и дискурсема (повторяющегося эпитета, определяющего идиостиль) [Киров 2019], теория эпитетоида (подобного эпитету слова, частично выполняющего его функции) [Булахова, Сковородников 2017] и другие. Несмотря на этот факт, в современной эпитетологии сосуществуют различные направления исследования эпитетов от стилистического, контекстуального и прагматического до когнитивного и дискурсивного. Каждый из них дополняет друг друга, позволяя с определенной позиции взглянуть на природу эпитета.

Материалом для настоящего исследования было выбрано творчество М. Цветаевой, тексты которой насыщены атрибутивными конструкциями различной семантики, а также разнообразными концептами, основную часть которых составляют антропоморфные. Многие объекты реальности, стихии природы, артефакты осмысляются М. Цветаевой посредством персонификации, антропоморфизации явлений, отчего наблюдается интересная закономерность. В ее текстах неизменно происходит одушевление (персонификация) многих понятий и объектов действительности, но если эпитетации подвергается явление из концептосферы «человек», то такое олицетворение находит свое продолжение в процессе метонимизации, переносе на часть человеческого тела (объект эпитетации) тех или иных свойств человека как целого существа. Так, в выражении *дерзкая кровь* наблюдаем следующее: закреплена семантика «кровь дерзкого человека», представляющая собой образное метонимическое выражение, где оба члена эпитетного комплекса метонимически близки за счет их отнесенности к одной концептосфере человека. Такие переносы встречаются в поэтическом языке, но в нашем материале, в рамках идиостиля М. Цветаевой, они массовы и частотны, о чем упоминалось неоднократно во многих исследованиях [Ревзина 1996, Губанов 2016].

Несмотря на вышеназванные наблюдения за поэтическим языком М. Цветаевой в рамках изучения признаков слов и концептов ее творчества, нельзя не упомянуть большое количество лексики поэта, не описанной

исследователями. Значительный корпус лексем составляют те, которые описывают окружающую реальность, так или иначе авторски интерпретируемую. Именно поэтому настолько важно учесть и описать лексемы абсолютно исчерпывающе, в составе эпитетных комплексов. С целью уяснения специфики цветаевского идиолекта многие ученые пытались выявить основные концепты, свойственные творчеству поэта, такие, как *верста, дом, душа, мера, море* и многие другие [Зубова 1989]. Несмотря на огромную проведенную работу, остается немало неисследованных тематических групп концептов в составе идиостиля поэта.

Для нашего исследования очень ценной является работа Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина, в котором авторами вводится понятие, близкое эпитетному комплексу, используемому нами. Понятия эпитета и эпитетного комплекса нередко заменяются у них смежными понятиями, например, таким, как «качественная доминанта». Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин используют понятие «качественная доминанта художественного текста», под которым понимают такое высказывание, где преобладает характеристика объектов действительности посредством указания на качественный признак [Бабенко, Казарин 2006: 210]. Признавая ценность данного подхода, стоит отметить размытость вводимого понятия, куда могут включаться очень разнородные явления от эпитета до квазиэпитета. В статье все же примем за основу понятие эпитетного комплекса как удачно учитывающего и отражающего специфику и эпитета, и определяемого слова.

Предметом анализа настоящей статьи выступает эпитетный комплекс в текстах М. Цветаевой. Целью исследования является выявление различных тематических групп субстантивной лексики и ее образного потенциала в рамках рассматриваемого идиолекта.

Источником для проведения исследования является «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой», в котором собраны все словоупотребления автора в поэтическом (подчеркнем, не эпистолярном и прозаическом) творчестве [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1996–2004].

В ходе исследования было зафиксировано более 5000 субстантивных единиц в составе эпитетных комплексов в текстах Марины Цветаевой на основе данных «Словаря поэтического языка Марины Цветаевой».

Перейдем к характеристике основных семантических групп определяемых слов в составе эпитетного комплекса в поэтических текстах М. Цветаевой.

Тематическая группировка концептов-определяемых эпитетами субстантивов была бы недостаточной без аналитического описания их сочетаемостных свойств с определениями (эпитетами). В связи с этим, наряду

с описанием групп концептов, будем приводить примеры эпитетных комплексов, чтобы продемонстрировать основные закономерности их сочетаемости с эпитетами.

1. Самая многочисленная и детально проработанная группа концептов, определяемая эпитетами в текстах М. Цветаевой, является группа, составляющая концептосферу «Человек». Это объясняется особенностью творческой манеры поэта, в которой самым главным выступает эмоциональное, личностное восприятие мира, «безмерность» чувств, как подмечают многие исследователи ее творчества.

Части тела человека выступают репрезентантами, которые способны выразить и «локализовать» те или иные качества, чувства человека. В связи с этим мы рассматриваем подобные словоупотребления как метонимические: в рамках определенного органа тела человека или его части возможно выразить суть человека как целого существа. Так, ревнивый человек может быть назван через метонимические номинации, а именно: это могут ревнивые глаза, ревнивые руки или ревнивый взгляд. Если же такие в целом традиционные поэтические выражения имеют продолжение в аспекте детализации локализации признака, то появляются окказиональные метонимические выражения. Например, у М. Цветаевой есть эпитетный комплекс *ревнивые завитки ресниц*, где данное качество, свойство человека, его характер или же (что немаловажно) восприятие его таковым (поскольку все тексты представляют собой индивидуальный взгляд автора) находит свое выражение в максимально частном участке рассматриваемой концептосферы. Раскручивание подобного образа происходит достаточно последовательно, и в рамках данной логики М. Цветаева создает многие свои метонимические образы именно средствами признаковой лексики, поскольку она наиболее податлива для разнообразных переносов. Здесь мы наблюдаем как синтаксический перенос (ревнивые ресницы – ресницы ревнивого человека), так и семантическое преобразование, основанное на метонимизации процесса восприятия личности человека с учетом единства его внутреннего и внешнего облика. Концепты «внутреннего» и «внешнего» человека становятся объединенными за счет удачного сочетания обеих логик образного преобразования атрибутивных конструкций, которые отражают авторский, личностно ориентированный, эмоциональный взгляд на мир.

Самым многочисленным концептом в данной рубрике является концепт *мой*, который выделяется нами условно, но по причине многочисленности его употребления говорим о нем отдельно. Его использование равно примерно 1200 единицам в различных контекстах. Но в силу того, что этот концепт не является субстантивом и в чистом виде определяемым, а чаще сам определением, мы говорим о нем особо.

Частотны в составе эпитетных комплексов такие концепты, как *душа* (*дух*) (397 единиц употребления), *глаза / око* (303/159), *грудь* (299), *любовь* (225), *голова* (198), *нога* (176), *губы (уста)* (162), *сон* (150), *рука* (145), *взгляд (взор)* (139), *кровь* (134), *вдох* (108), *лицо* (102), *волосы* (97), *ладонь* (68), *лоб* (75), *рот* (72) [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1996–2004]. Отметим лидерство абстрактной категории *душа, дух*, а также концепта *любовь*; среди конкретных же концептов частотны *глаза, голова и рот (уста)*.

Наибольшей детализации подвергнуты такие концепты, как *рука* и *глаза*. Рука выступает основным именем концепта, ладонь, кисть и другие – в качестве детализаторов, но признаки на них распространяются те же. Есть *дерзкая рука* и *дерзкая ладонь*. Обращает на себя внимание наличие большого числа эпитетов процессуальной семантики в сочетании с данным концептом, что объясняется основной функцией руки – брать, захватывать что-либо. Вот небольшой перечень эпитетов с концептом *рука*, зафиксированный нами на основе Словаря: *протянутая, ушедшая в шелка, упирающаяся, крестящая, играющая, разбрасывающая, пишущая, заспанная, знающая толк, ржавленная, заломленная, молитвенная, опущенная, зацелованная*. *Ладонь* в меньшей степени представлена процессными признаками: *воровская, сжатая, недогнувшая*. В рамках данного концепта эмоции выразить непросто, но, тем не менее, наблюдаются образные выражения за счет необычной сочетаемости эпитета и концепта: *властная, достойная, праведная, нежная, смуглая, (своя), дерзкая рука*.

Глаза, взгляд, взор осмысляются как один из основных репрезентантов внутреннего мира человека, поэтому они чаще всех попадают в центр авторского осмысления: *глаза печальные, грозные, зацелованные, задумчивые, ласковые, кроткие* и т.д.

Еще один детально представленный концепт *губы, уста, рот* также процессуален (речепроизводство, пение, плач и т.д.): *губы (уста) жалобные, брезгливые, неженские* и т.д. Отметим выражение *брезгливая грусть уст*, в котором метафорически выражается семантика грусти с локализацией в глазах в сочетании с далеким признаком брезгливости; оба эти признака растворяются в метафоре грусти и безразличия.

Концепты *душа, дух, сердце* моделируются в качестве субъекта, имеющего чувства, внешность, т.е. все атрибуты человека: *душа капризная* (душа капризного человека и сама душа как персонифицированное понятие), *смелая, дикая, помнящая* и т.д. Также нужно обратить внимание на концепт *память*, который не столь частотен, но имеет яркую образную составляющую по логике предыдущего концепта. *Память* осмыляется как субъект, человек, поэтому наделяется антропоморфными признаками: *память безглазая, безмясяя, безногая, голубококая, благодарная*. Интересна и признаковая

реализация концепта *кровь*: именно кровь воспринимается как средоточие сути человека. *Кровь* может быть *дерзкая, неповинная, спящая, ропчущая, древняя, солнечная, лживая, ветхая, своекорыстная, шальная, женская* и т.д.

Таким образом, все микроконцепты данной концептуальной области сочетаются с эпитетами, как правило, этой же понятийной сферы, образуя единую систему эпитетных комплексов психологической семантики и подробно репрезентируя внутренний мир человека.

2. Вторая группа концептов представляют собой номинации артефактов, мира предметов. Центральное место занимает концепт «Интерьер» и дом как его основная составляющая. Дом ассоциируется с личным пространством, воспоминаниями о детстве, эмоционально наполнен, а потому имеет множество атрибутизаций.

Приведем наиболее частотные концепты данной ментальной сферы: *стол* (202), *дом* (141), *дверь* (100), *книга* (57), *лестница* (48), *плащ* (29).

Концептуально значимым для творчества М. Цветаевой выступает субстантив *стол*, воспринимаемый как символ творчества, поиска, дружбы, поэтому он наделяется эпитетами *верный, вечный, домашний*. Суперконцепт *дом* также центральный для ее идиолекта, поскольку отражает личностное пространство поэта, пространство воспоминания, родительской любви, прошлого, уюта. *Дом* становится *невозвратным* (его нельзя вернуть из прошлого), *завороженным* (как бы застывшим, таинственным), *раковинным* и *колыбельным* (свое пространство, раковина и детское ощущение покоя и уюта).

Перенос по смежности также часто выступает одним из главных механизмов образования эпитетов с рассматриваемым концептом. Дом может быть *воспитанным, бессонным, невеселым, веселым, пылушим*. Так или иначе артефакт воспринимается как человек, существо, испытывающее эмоции и чувства; по логике метонимии населяющие дом люди также переживают подобные чувства, отчего происходит наложение метафорического эффекта от фразы и метонимии.

Более частные концепты, относящиеся к суперконцепту *дом* представляют собой значимые для поэта смыслы, а именно: *дверь, книга, лестница*. Дверь воспринимается как граница между своим (домашним) миром и потусторонним, чужим, поэтому она *голая, как феллах, неприветливая*, это угроза и сквозняк.

С концептом *стол* коррелирует *книга* как символ творчества и женского начала, отождествляемого с поэтом. Книга может быть *мудрой, женской, таинственной, старинной*. Первые два определения явно антропоморфны и метонимически мотивированы.

Лестница является символом движения, угрозы упасть, оступиться, сделать ошибку, это преграда, по которой нужно взбираться, которую надо преодолевать. Негативно воспринимаемая лестница становится источником окказиональных определений, кратких, отражающих фонетически падение с нее: *швыркая, дрожкая, гудкая, спешная, щепкая, сыпкая, шлепкая, хлопкая, каткая, хлипкая, плевкая*. Многогранно осмысляя данный концепт, М. Цветаева всегда дает ей точное и личное определение в своей поэме, поэтому она всегда разная: *ветхая, струистая, черная*.

Еще один частотный концепт *плащ* отражает закрытость, обособленность личности лирической героини. Чаще всего он наделяется эпитетом *черный*, который символизирует закрытость, таинственность.

Все рассмотренные концепты-артефакты так или иначе являются продолжением антропоморфной группы эпитетов, что вписывается в логику идиостилевой специфики творчества М. Цветаевой, которая заключается в повышенной эмоциональности и субъективности мировосприятия.

3. Третью группу концептов, определяемых эпитетами, составляют имена натурфактов, названий природных объектов, стихий. Традиционно в любом поэтическом дискурсе образно осмысляются стихии природы. Частотность употребления конкретных стихий зависит от авторского идиостиля. Как известно, М. Цветаева творчески осмысляет такие концепты, как *море, ночь, небо* и некоторые другие.

Приведем наиболее частотные концепты данной ментальной сферы: *небо* (202), *ветер* (185), *вода* (166), *море* (147), *звезда* (140), *огонь* (133), *заря* (129), *земля* (116), *дорога* (98), *лес* (98), *трава* (95), *дерево* (93), *волна* (91), *верста* (77), *воздух* (68), *камень* (66), *листва* (51), *солнце* (25). Обозначение темпоральных понятий, таких, как *день, ночь* и др. оставляем за скобками в силу их широкой семантики.

Различные реалии природного мира (так называемые концепты-натурфакты) неизменно попадают в поле внимания автора, частотность тех или иных концептов продиктована личностными особенностями мировосприятия. Небо и ветер становятся одними из самых репрезентативных концептов в силу настроенности авторской модальности на мир горний, переменчивость характера и жизни. Небо выступает символом высокого начала, божественных, высших сил: *благосклонное, опрокинутое, звездное*. В то же время небо наделяется мужскими чертами (книга женская – небо мужское), оно сильное, переменчивое; иногда испытывает эмоции: *растроганное*.

Море выступает коррелятом имени Марины, поэтому она так часто обращается к данному концепту. Море – непостоянная стихия, поэтому часто атрибутируется как *обманное, туманное, небесное, сказочное*.

Растительный природный мир представлен концептами *лес, трава, листва, дерево*, которые одушевляются, отражая в той или иной мере авторские переживания. Преклонение, смирение – символические значения трав, поэтому трава *поклонная*, листва *падучая, летящая, дрожащая*. Древесный сок уподобляется крови, которая, как было видно выше, всегда является у поэта средоточием сути живого существа.

В ходе краткого обзора концептов, определяемых эпитетами в составе эпитетного комплекса, зафиксированного на материале «Словаря поэтического языка Марины Цветаевой», можно сделать следующие выводы. Признаковую характеристику получают понятия, относящиеся к трем основным когнитивным сферам: человека, артефактов и природы. Среди каждой из групп концептов выделяются наиболее часто оцениваемые автором, такие как *глаза, рука, душа, стол, дом, море, небо*. Наделение признаком происходит, с одной стороны, по линии персонификации реалии, признак способствует антропоморфной метафоризации объекта эпитетации, с другой стороны, неизменна детализация концепта и распространение на все его части данного признака по метонимической логике.

Черты идиостиля и идиолекта художника слова очень трудно описать в рамках одной работы, поэтому необходимо изучать эпитет, метафору, метонимию и образные средства языка поэта в совокупности, с учетом контекста, периода творчества. Признаковая лексика и концептуальные смыслы творчества поэта связаны единой тематикой и языковыми средствами выражения. Словарь поэтического языка дает возможность скоординировать данные понятийные области и языковые пласты и выявить общие закономерности конструирования образных смыслов. При аналитическом описании эпитетных комплексов, на наш взгляд, возможно полно и подробно дать характеристику тенденциям языкового предпочтения поэта.

С одной стороны, подобного рода исследования вносят вклад в теорию эпитета, описывая возможные типы и способы конструирования художественного определения, с другой стороны, способны детально проанализировать язык художника слова, тем самым уточнив идиолектные черты.

Данные наблюдения за идиолектными чертами творчества М. Цветаевой применимы не только при комплексной языковой характеристике ее идиостиля, но помогут в деле сопоставления с иными идиостилями, в сравнительной лингвопоэтике и стилистике художественной речи.

Библиографический список

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 303 с.

Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2006. 496 с.

Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №2 (9). С. 122–143.

Губанов С.А. Теория эпитета: основные подходы: монография. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 264 с.

Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. №3. С. 93–95.

Кубаева Ф.Р. О когнитивно-семантических параметрах сочетаемости признаков слов с существительными в перенесенном эпитете // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. №1. С. 111–115.

Ревзина О.Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. С. 5–40.

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004. Т. I–IV.

Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 320 с.